

ЕКАТЕРИНА ЕВДОКИМОВА

Там, внутри меня

ПОВЕСТЬ

Екатерина Евдокимова

Там, внутри меня

«Издательские решения»

Евдокимова Е.

Там, внутри меня / Е. Евдокимова — «Издательские решения»,

«Там, внутри меня» — фантастические заметки интроверта, ставшего свидетелем полета книг. Отправившись на поиски изданий, которые исчезли из города после необычного происшествия, герой попадает в совершенно иной мир, созданный его мыслями и переживаниями, мечтами и страхами. Невероятное путешествие, на которое отважится только читатель, готовый смело заглянуть в свой собственный мир.

© Евдокимова Е.

© Издательские решения

Содержание

6:30	6
7:30	7
8:50	9
9:40	10
11:53	13
13:00	14
13:40	15
15:05	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Там, внутри меня

Повесть

Екатерина Евдокимова

Посвящается тем, кто идет своим путем...

© Екатерина Евдокимова, 2015

© Павел Андреевич Евдокимов, иллюстрации, 2015

Корректор Ольга Игоревна Дульцева

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я проснулся рано утром, полшестого. Мне совсем не хотелось спать. Во рту было сухо, и казалось, что все мое существо жаждет влаги. В комнате было душно. Я открыл окно, и прохлада летнего утра впорхнула в комнату. Выпил теплой воды, что стояла на столе, наскоро умылся, выбрился, одел чистую футболку, закинул в рюкзак книги, блокнот, ручку, краски, фанеру, мобильный, ноутбук и вышел на улицу. В это мягкое свежее утро мне не хотелось вспоминать, какой сегодня день, сколько денег у меня в кармане, работаю ли я, заплатил ли за квартиру и прочие условности. Я раскрывал этот день, как подарок. Нет трескотни FM-волн, вонючих пробок, колючих взглядов, я оберегаю каждое мгновение. Я иду. Я просто иду. Путь – мой внутренний зов.

Мои легкие наполнились запахом прошедшего ночью дождя, утренней свежести, сжигаемых во дворах помоек и лета. Я шел по улочкам своего района, держа путь к мосту, который соединял эту часть города с центральной. За угловатые серые дома зацепилась прошлая ночь: в квартирах еще спали люди, эти замученные сонные зомби не видели, как солнце светило сквозь утренние облака; у подъезда еще сидела горстка нетрезвых, они смотрели жалобно и устало; на первом трамвае возвращалась из клуба девчонка из соседнего подъезда, укутываясь в джинсовку, чтобы через прозрачную кофту было меньше видно пошловатый лифчик. Самый обычный район. И мало-помалу я вспомнил: седьмое июля, воскресенье, две тысячи в левом кармане, не работаю, квитанция на квартиру еще не пришла.

6:30

Внутри меня играет тонкая тихая музыка, она еле различима, и так легко ее не услышать. Когда внутри меня играет музыка, я все делаю правильно. Она начинается так робко, почти неслышно, как в Shine On Like Crazy Diamond у Pink Floyd, ее легко прервать ревом плеера, который встроено в каждого из нас: в моем плейлисте, например, привычка планировать, переигрывание ситуаций, которые могли бы случиться. Это коверкает мою музыку, заставляя переключаться на частоту моего рассудка. Сейчас, когда внутри зашипел планировщик: «Куда идти?», «Что сегодня делать?», я шикнул на него, чтобы не перебивал тот сонет, который звучал внутри.

Чувствуя усталость, я вытащил из рюкзака небольшой кусок фанеры, положил на тротуар и сел. Это моя походная деревяшка, что служит мне скамейкой в любом месте. Мимо редко проезжали машины, и появился первый дворник. Я достал из рюкзака книгу и стал маленькими глоточками абзацев наслаждаться романом Гессе «Игра в бисер». Я не мог читать его долго, как нельзя много выпить коньяка. Через минут десять, когда я дочитывал, как Йозеф окончил Вальцдельт, что-то легко, почти невесомо, на секунду коснулось моего плеча. Я подумал, что это лист упал с дерева, и не стал оборачиваться. Ветер легко подул, и из-за моей спины вылетел бумажный самолетик. Маленький, аккуратный. Я взял его – он был похож на небольшую птицу, которая далась в человеческие руки. Самолетик был сделан из листка, выданного из книги. Я присмотрелся, пытаюсь понять, что это за произведение. Глаза выцепили слова «Кнехт» и «Касталия». А это... Это лист той книги, которую я читаю! Внутри все похолодело, и дрожь прошла по телу, застряв в руках, не прекращая биться в кончиках пальцев. Сзади меня только дворник, мирно подметавший тротуар. Гарнитура на самолетике и в книге один в один – «Литературная». Я боялся перевернуть страницу своей книги и увидеть в ней выданный лист!

Я быстро сунул книгу, самолетик и дощечку в рюкзак, накинул лямку на плечо и пошел дальше, стараясь унять мелкую дрожь в руках.

7:30

Улицы были все еще пустынные и бесконечно прекрасны в своем безлюдии: нет шума, колючих взглядов, суеты. Только редкие прохожие, легкий ветер и временами грохот трамвая. Я шел по тротуару недалеко от набережной. Медленно, своими тремя километрами в час, я подходил к реке в центре города.

Последний год дал мне какое-то новое измерение в пространстве, времени. Это был невидимый слой бытия, который делает существование жизнью. О нем можно прочесть между строк в любимой книге, услышать в диалогах в фильме, поймать ощущением в любой миг, нащупать его в долгих, открытых, но редких разговорах. Оно приходит тогда, когда не нужно угнетать свою сущность, когда есть собственно жизнь, а не список дел и планов. Впервые я принял этот слой в свою жизнь, когда начал рисовать. По ночам, в пустой квартире, под музыкальные исповеди любимых групп. Я рисовал, обмакивая пальцы в густую краску, оставляя отпечатки своих пальцев и души на бумаге. Наслаждение – это слишком избитое слово для того, чтобы описать то, что я чувствовал. Но иного слова у меня нет. Я отпечатывал пальцами на бумаге каждый день, который видел своими глазами. Серые, скучные, грубые, холодные, чужие дни становились красочными, преображенными моим внутренним зрением, и весь проходящий год я видел именно таким, каким создавал его в своих рисунках. Позже этот мир дополнили книги – те, что я читал и те, что я пытался писать. Этот мир был особенно осязаем, потому что словами я могу описать все, что угодно. Казалось, они были руками моего сознания, потому что с их помощью я мог строить все, что вижу внутри себя, именно так, как я это чувствую. Нет погрешностей. Слова – идеальный материал для фантазий. Правда, лишь те слова, в которые верят. Я никак не мог дописать свою книгу, внутри меня на середине каждой из них что-то ломалось, будто сверхъестественные силы, которые я открыл в себе ранее, засыпали, и оставался я один на один с собой.

Я окинул взглядом набережную в поисках скамейки, на глаза мне попала широкая с удобной спинкой. Усевшись на нее, я снял кроссовки и поджал ноги по-турецки. Я закрыл глаза. Там, внутри меня, была спокойная мягкая темнота. В ней рождалось мое пространство, время текло по-другому. Я ненавидел громкие внешние звуки, они раздражали меня, и мне порой хотелось обрубить их острым топором. Из-за них я не слышал свой голос. Его можно было услышать только во внутренней теплой темноте. Он, никогда не кричащий, выражал на понятном мне языке то, что я смутно ощущал, о чем догадывался.

– Апчхи! – громко чихнув совсем рядом и шумно высморкавшись, кто-то ворвался в мое внешнее пространство. Я открыл глаза, солнечный свет ослепил меня на мгновение. В пяти шагах от скамейки стоял какой-то странный мужик в клетчатых штанах, потертом пиджаке и треснувших очках. Вид его вызывал неприязнь. Он плюхнулся рядом со мной так, что скамейка вздрогнула, и хотел было заговорить о чем-то. О чем там обычно говорят такие противные типы, беспардонно врываются в чужое пространство? Я, рассердившись, вытащил телефон, сунул наушники в уши (ненавижу, когда кто-то так делает при мне) и поставил играть первый попавшийся плейлист. В наушниках послышалось протяжное мычание и чиханье, задававшее ритм. Не помню у себя такой песни. Краем глаза я окинул того странного, который сидел рядом. Он смотрел на меня в упор, и глаза у него были хитрющие. Я резко встал, ноги мои оказались в носках на асфальте, но я быстро сунул их кроссовки и пошел по набережной.

Мычание в наушниках остановилось. Кажется, этот тип что-то сказал. Он определенно напоминает мне кого-то.

8:50

Без машины, велосипеда, автобуса, трамвая, роликов. Пешком. Я не стою на месте. Если автобус встал в пробке, мне легче выйти и дойти пешком до того места, где пробка кончается. Когда вечером долго нет трамвая, а надо ехать, иду пешком до другой остановки, автобусной, к примеру, хотя минут через пятнадцать пришел бы трамвай. Но это ходьба другого сорта – для цели. А я хочу идти к себе. На это можно возразить, что я всегда с собой, ну да: вот мои руки, ноги, но такое вот паломничество сквозь суету позволяет мне достигать особого ощущения внутри, именно его я и называю *ощущением себя*. Его трудно достичь мысленно, методично проделывая какие-либо ритуалы. Только так. Идя без всякой цели по неизвестному пути. Этого я и хотел в то июльское утро, отойдя от противного дяденки, который своим чихом нарушил внутреннюю сосредоточенность.

Отойдя от скамейки, я пошел в сторону моста, эти места я знал очень хорошо – центр. Подул тревожный ветер. Вытащив деревяшку из рюкзака, я сел у самой воды. Она отдавала прохладой и чем-то очень таинственным, такое не понимают люди. Я достал краски. У меня было немного, штук десять, баночек и два тюбика с белилами. Живопись – прежде всего внутреннее состояние. Это спонтанно выходит, так, что об этом и рассказывать не хочется – слишком лично.

Вокруг пустынно, нет прохожих, а я рисую чуть прохладной рыхлой гуашью на асфальте пальцами, иногда смачивая руки в речке с простым запоминающимся названием. И мне хорошо. Наверное, «хорошо» – слишком плотское слово для того, что я чувствую. Но это так... почти что интимно, что я не хочу, чтобы вы могли представить те же ощущения. В один момент мне показалось, что рисунок под моими пальцами живой. Он дышит, пульсирует, шевелится. Картинку смывает дождь. Но то, что я чувствовал, когда рисовал, только мое. Такое дождь не смывает.

9:40

На пальцах, в уголках ногтей, осталась краска, которая не смывалась в реке. Я бродил по парку рядом с рекой, а затем вышел на центральную улицу, которая еще нежилась в утреннем полусне. Редкие прохожие... да, если честно, почти никого. Там вон девчонка в каком-то длинном, вышедшем из моды, платье. Через дорогу шел парень в пиджаке, футболке и джинсах, с длинными кудрявыми волосами, собранными сзади в пучок, очками в золотой оправе и татуировками на шее. Он зашел в книжный. Туда направился и я.

Живительная прохлада кондиционеров, источающих мертвый воздух, окутала мои поры. Было не много людей, можно сказать – пустынно. Пройдя по закоулку со специализированной и научно-популярной литературой, я направился в аллеи художественной. Иногда я выбирал книги, как еду. Осматривая меню книжного, сегодня я выбрал легкий завтрак: сливочные рассказы Харуки Мураками и хрустящие миниатюры Нгуена Динь-Тхи. Когда же я не тосковал всем существом по пище художественной, искал себе в книгах собеседника. В то время как я читал, герой произведения и автор беседовали с моими проблемами, сомнениями, частями меня самого. Это лучшие собеседники. Хоть я и был эстетически голоден, моему существу хотелось и неспешного, вдумчивого разговора. В руках я держал Умберто Эко. Увесистая книжка, которую не взять в дорогу почитать – «Имя Розы». Как бы я беседовал с ней? Точно не в трамвае или пластмассовом кафе. Наверно...

– Ну что ж, сеньор, тогда начнемте здесь, ведь фактически мы уже разговариваем, – я услышал мягкий бархатный баритон. Неужели тот парень в пиджаке и с наколками? Мои пальцы ощутили, как обложка книги деформируется: становится мягкой, точно человеческая кожа на локтевом сгибе, выгибается вверх и проваливается вовнутрь, движется, как гуашь по асфальту сегодняшним утром. Для солнечного удара было рановато. О! Я отбросил книгу на полку, и руки мои затряслись мелкой дрожью. На обложке было живое лицо. Самое настоящее, только без шеи и туловища, рук и ног. Это не могло быть 3D или что-то еще в этом роде, оно было настоящим настолько, насколько можно считать живым рядом стоящего человека. Я таращился на книгу, серьезно, там было лицо седого итальянца в очках, явно недовольного встряской настолько, как если бы я встретился с ним в городском маршрутном такси с лихим водителем! На той полке, куда я отбросил в страхе старика Умберто, зашевелились другие книги: обложки растягивались, превращаясь в изгибы, заголовки и картинки на них начинали двигаться, компоноваться, становясь чертами самого настоящего человеческого лица.

Книги беспечно болтали друг с другом, как будто продолжали прерванную беседу. Меня слегка подташнивало от страха, а ощущение было похоже на то, когдаходишь посреди белого дня в деревенскую холодную речку голышом. Вдруг я услышал стук и грохот: это окна открывались и ударялись о стену, снося все, что было на подоконниках. Это было подобно призыву, приглашению, знаку. Послышался шорох страниц. Я наблюдал необыкновенную картину – книги раскрывали крылья-форзацы и, ведомые ветром, взлетали в воздух!

– На бал!

– На бал!

– Увидимся вечером!

– Лишь бы не растерять страницы!

– Мы и так припозднились!

Рой их голосов гулко разлетался по всему магазину, сотрясая стены, оставляя в недоумении немногочисленных свидетелей своего полета. Кружа по невидимой магистрали, которую они сами образовали в центре торгового зала, книги набирали скорость и вылетали одновременно десятками изданий в распахнутые окна. Я выбежал вслед за ними, спотыкаясь о ступени, на улицу. Вылетая из окна, они распугивали ленивых птиц на карнизах и деревьях, огибали

провода и устремлялись ввысь. Их страницы, перебираемые ветром, трепетали, напевая мелодии своим шуршанием. На мою голову упало что-то твердое, напомнив, что я живу, не сплю. То была буква М, выпавшая, наверно, из книги. Золоченая... Я оглянулся. Ни единого прохожего. На асфальте повсюду лежали буквы или обрывки фраз. Но вовсе не золотые. Передо мной валялись целые строчки на прожженной бумаге, на поребрике лежала деревянная «К», под фонарем – измазанная сажей «Ф»... Извивающейся нестройной волной, лавируя между рекламных растяжек, электрических проводов, спилей и высоток, они направлялись на запад. И пока я мог видеть эту пульсирующую нестройную вереницу, то смотрел не отрываясь, будто всем телом хотел впитать каждую минуту их полета, даже отодвигался понемногу, чтобы вон та бездушная бетонная офисная коряга не закрывала мне вид. Но вот их полет остался только в моей голове – на городском небе мне уже не видно книг.

Я забежал обратно в магазин. Продавцы, все, кроме пары молодых стажеров, спокойно прибирались и, обсуждая происходившее, судя по всему, готовились к закрытию.

– Что, что это было? – подбежал я к одному из консультантов.

Пожилый мужчина интеллигентного вида посмотрел на меня поверх очков.

– Молодой человек, мы федеральная сеть книжных магазинов, но у книг раз в год, а иногда и пару раз, случается такое. И мы ничего не можем с этим поделать.

– Их не разберешь, куда летят, – поддакнула полная женщина, товаровед. – Они сами решают, куда, когда лететь. Даже окна забивали, ни в какую! – она бессильно опустила руку. – Плюнули на это.

– Они сами выбирают, кому показать свой полет, – в разговор включилась женщина средних лет с высоко убранными волосами, судя по бейджику, старший продавец. – «Лишних людей» они не любят, поэтому по утрам, особенно в такой день, у нас пусто. Бывшие продавцы говорили, что «лишние», которые увидели их, отшельничают после этого и в поисках ответа читают множество книг...

Я заметил, что на полу в соседнем отделе лежат книги. Но как они там оказались и почему не улетели вместе со всеми?

– Я тоже задавалась этим вопросом, – сказала товаровед, проследив за моим удивленным взглядом.

– И как?

– Да мутно как-то. Пыталась что-то да понять, но не вяжется в целом. Пусть лежат, мороки меньше.

Мы еще немного поговорили с товароведом, консультантом и старшим продавцом. Голоса их были спокойны, как будто это обычное дело. Только двое стажеров таращились на окна и рассказывали друг другу о полете книг снова и снова, будто пытаясь успокоиться.

– А они как, вернуться? – спросил я. – Или вам теперь новый товар покупать?

– Что ты! – поморщилась старший продавец, и ее прическа слегка качнулась. – Надо просто окна открытыми оставить. Сами прилетят! И на место встанут тоже сами! – махнула рукой веснушчатая товаровед.

– Дисциплинированные... – вздохнул консультант.

День начинал дышать полной грудью. Я сидел в закрытом изнутри книжном магазине, в котором не было ни единой книги, пил чай, заваренный на вонючей воде из-под крана, и слушал про летающие книги. Интересно, их кто-нибудь еще видел? Как они улетают к облакам... Как их блеклые тени проносятся над землей...

Допив чай из кружки с желтым налетом и колотыми краями, я пошел в ближайшее к книжному кафе – в нем был сносный кофе и бесплатный интернет. Хотел посмотреть, есть ли это событие в новостях? Для меня оно было подобно Чебаркюльскому метеориту, выбившему стекла моего спокойствия. Отпив кофе с терпким имбирным сиропом, я принялся просматри-

вать новости. Таблоиды не светили известиями о книжном полете, короткие репортажи информагенств были совсем о другом, ни у кого из моих контактов в социальных сетях в ленте не появилось ни слова, в местных газетюшках я даже не смотрел – с описанием запаздывают на неделю, всегда так. Новостные сайты были увешаны, точно елки, гирляндами мигающих баннеров. Особо назойливым оказался тот, который вылазил каждый раз, когда я заходил на страницу. Сколько бы я ни целился в правый верхний крестик, все равно попадал на другой сайт. Это была, как ни странно, электронная библиотека. Меня осенило: вот тут-то книжки точно есть, отсюда бы не улетели! Я набрал в поисковой строке библиотеки «Умберто Эко», раз уж мы с ним начали разговор. Ни одной его книжки не оказалось, «not found, 404». Обновил. Все то же. Я ткнул в описание библиотеки, ну, может, она техническая, откуда там художка? Нет же, библиотека универсальная, полноценный раздел «Худлит» есть. Набрал Пушкина – нет, Лермонтова – нет, Достоевского – нет. Интересно, а из настоящих библиотек тоже улетели книги?

11:53

Зажегшись идеей проверить книги в настоящей библиотеке, я направился в самое большое хранилище книг в городе. Выйдя из кафе, я пересек парк, в котором были собачники и одна дама с коляской, вышел на ту улицу, где между семью и десятью утра, а так же пятью и семью вечера в будние дни люди убивают свое время в железных фыркающих коробках. Это был деловой квартал. Окружающие бизнес-центры, точно из картона, смотрели на меня глазами пустых окон. Здесь офисные здания на разный вкус и размер арендного бремени, в их коридорах неинтересные разговоры, а в кафе неподалеку – безвкусные бизнес-ланчи. Я проверял. Вряд ли что-то изменилось.

Мне потребовалось около двадцати минут, чтобы выйти по прямой дороге через этот квартал к библиотеке. Красивое беленое здание с колоннами и массивными дверьми было похоже на дворец. Поднявшись по ступеням, я потянул дверную ручку на себя. Не поддалась. Еще одну, результат тот же. Потянул боковую, и та дверь не открылась. В воскресенье библиотека работает! Точно-преточно! Вот и табличка: с 8 до 18! Ну как так! Seriously, улетели что ли? Может, вход с торца? Бывает же, что главный закрыли. Я пошел в обход здания. С торца была пластиковая белая дверь, венчавшая маленькое крылечко, когда-то покрашенное в желтый, цвет солнца, но теперь – выцветшее. Я дернул ручку – лязгнул замок – и здесь закрыто. Нигде не висело таблички про «технические причины». Может, библиотеку закрыли по тем же причинам, что и книжный магазин? Задумавшись, я поднял глаза наверх. В окне второго этажа я заметил двух уже не молодых женщин, переговаривающихся между собой. Они смотрели на горизонт и теребили занавески.

Здесь летали книги!

13:00

Эта история вызывала у меня то чувство, которое называют любопытством. Так я определил восторг, неуверенность в реальности происходящего, трепет увидевшего чудо, желание и страх участия в происходящем, пусть и со стороны наблюдателя. Теперь я не мог просто путешествовать по городу. Я искал. Жаждающим взглядом шупал мир вокруг себя. Сумасбродные догадки привели меня обратно на набережную, туда, где в любую погоду (в панаме, валенках или дождевике) сидят букинисты, хранители прочтенных книг. У них можно найти Диккенса в потертой обложке, сборник задач по термодинамике с редкими карандашными почеркушками на полях, потрепанного Хайдеггера, выцветшее под солнечными лучами руководство садовода, до дыр зачитанного Ницше – словом, литературу очень разную. Когда им нечего было делать, а такое случалось часто, они играли в шахматы. За их партиями наблюдали зеваки, сядившиеся, как воробьи, на ближайшие скамеечки. Прохожие вскользь короткими взглядами осматривали колоритных шахматистов, улыбаясь тому, какие же эти пенсионеры несурзные продавцы. Я не относился к первым, хотя однажды, пока рассматривал выложенные на клееночке потрепанные книги, наблюдал крайне занимательную и оригинальную партию.

Через полчаса я дошел до набережной. Никого из букинистов там не было. Раздосадованный или окрыленный? Сходится или провалилось? Еще или домой? В раздумье я спустился к самой воде. Гуляющих сегодня было на удивление не много, поэтому я один уселся на каменные ступени, подложив деревяшку. Вода в реке пахла гнильем, водорослями и тухлой рыбой.

– Лети! Лети, ты свободна! – где-то рядом я услышал громкие возгласы мужчины. Где он? Его не было видно. Кому кричит-то?

– Лети! Расправь крылья! – голос срывался хрипом. Я пошел на звук. Ну так, из интереса, посмотреть. Это было в зарослях под мостом, метрах в двадцати от места, где я расположился. Асфальта там не было, и пришлось идти по влажной земле, густо усеянной окурками и осколками, крышками пивных бутылок. Зацветшей водой пахло сильнее, чем на набережной.

– Лети же! Я верю... – голос, слышимый теперь совсем рядом, оборвался.

Должно быть, человек ощутил мое присутствие. Я замер. Внутри бился парализующий страх: кто там? Кто тот человек за кустом? Смогу ли я ему противостоять, если он захочет нанести мне вред? Что он хочет? А я? Что он может? А что могу я? Каковы, черт возьми, мои намерения, и как я объясню свое присутствие здесь? Но голос его не показался мне устрашающим, скорее наоборот, ему нужна помощь. Я осторожно отодвинул куст сирени. На меня недоверчиво смотрел плотный мужчина лет тридцати пяти в потертом пиджаке, белой рубашке, темных джинсах и белых кроссовках. Лицо его выражало испуг, но было ясно, что в случае чего он может дать отпор – он меня значительно крупнее. У него были кудрявые средней длины каштановые волосы, бакенбарды, огромные глазница с девчоночьими ресницами и очки в толстой черной оправе. Не брился, наверно, дня три. В руках он держал книгу. Рядом с ним была сумка, такую часто можно встретить в плацкартном вагоне, и она была доверху набита точно такими же книгами, словно яблоками по осени. Он молчал. И я не знал, что ответить ему на молчание. Ситуация была неловкой до такой степени, что хотелось вырезать ее из своего мира, проснуться, если бы это был сон. Не в силах терпеть больше молчания, я спросил:

– Как погода? Ничего, правда?

– Правда. Уже четыре года в этот день хорошая погода.

– Откуда вы знаете?

– Слежу.

Он следит за погодой и кричит «лети» из-за кустов. Надо сваливать!

Но постойте... у него же книги!

13:40

Мы разговорились с Петром, он рассказал мне многое о том, что я теперь искал. Мой собеседник оказался писателем, это не основная профессия, а так, для души... Основная – исследовательская, культуру он там изучал, историю, религию. Так вот, 7 июля, этот день особенный. Овеянный чем-то таинственным. Петя вздохнул рассказывал мне о древних легендах, языческих традициях, даже о кросскультурных компонентах, как вдруг я понял, что ужасно хочу есть. Петр согласился со мной, и мы пошли в ближайшее кафе, напоминавшее больше столовую. Позже я, помню, пожалел об этом: наверное, за поеданием капустного салатика, куриных кнелей и борща в шумной забегаловке в нашем разговоре потерялось что-то важное. Но и Петю на голодный желудок я слушать не мог. Тем более, совместный обед всегда улучшает взаимопонимание. Наверное, без той толики общности, которую я почувствовал, когда мы оба выбрали чесночный и луковый соусы, я не смог бы задать этот вопрос:

– А ты зачем книги летать учил?

Он ступенчался, как если бы его, пятилетнего, уличили в конфетокрадстве.

– Я говорил, я уже говорил тогда, ну тогда, под мостом, что сегодня важный день, он особенный. В этот день знания, ну, они передаются людям.

– А книги здесь при чем?

– Как при чем? В них же знания!

– То есть ты отправлял книги в полет, чтобы они передавали знания? – ей-богу, в любой другой ситуации, услышав этот разговор, я подумал бы, что собеседники невменяемы, но диалог происходил со мной, и я могу ручаться за себя.

– Не совсем так. Существует легенда, я слышал ее от библиотекарей, когда писал диссер пять лет назад, что в этот день книги, в которых есть что-то ценное, они, ну, они взлетают.

– Сами по себе?

– Да, сами...

– И куда они... летят?

– Ну, куда-то летят. Передача информации... Там что-то происходит. Это я, конечно, плохо понял. Тогда было восьмое число, представляешь, восьмое! Я тогда на день опоздал с этим Знанием. Там две библиотекарши шушукались между стеллажами, рассказывали друг другу, что из библиотеки книги вылетали прямо в окна! А я от этих женщин был в двух шагах, у соседних полок... Слушал. Я бы подбежал, я бы все расспросил! Приличия... – разочарованно вздохнул он.

– А ты сам-то видел, как они летали?

– Ну... нет. Там надо момент поймать. Я с утра хожу по городу, ищу. Книжные, библиотеки... все закрыто! Значит, улетели уже.

Спрашивать о том, не улетели ли его книги, было лишним.

– А о чем ты пишешь? – спросил я его.

– Ну так, – он рассеяно посмотрел, казалось, сквозь меня. – О беспокойных всяких. – Петя надкусил сдобную булочку с пожелтевшим творогом. – О декабристах, например. Ну, ты понимаешь, вот я пишу книги, и все, что я пишу – это мое, и все это во мне, и все это я.

15:05

Я чувствовал, что происходит *что-то*. Город жил ленивой жизнью, и я вместе с ним. Но что-то такое, что меня очень касается, происходило там, где я не видел. Как будто я сплю на своей высокой кровати с деревянными ножками, на пружинистом матрасе, мягкой прохладной подушке, укрывшись теплым ватным одеялом, которое мама подарила на прошлый новый год, прямо на центральной площади города. И меня объезжают машины, автобусы, обходят пешеходы, на кровать кладут рекламные листовки, недалеко проходит митинг, к изголовью положили транспаранты с дурацкими лозунгами, уличные музыканты поют колыбельные мне на ухо, а красивая незнакомка присела ко мне на матрас и улыбается так, будто не хочет уходить. И мне бы проснуться. И мне бы жить. Я точно чувствую, что *что-то*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.